

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б 38

Составитель серии Иар Эльтеррус
Художественное оформление серии К. Прокофьева
Обложка В. Гуркова

Беденко И.

Б 38 Код человеческий. — М.: ИД «Флюид ФриФлай», 2019. — 864 с.

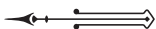
Игорь Кремов проживает сразу две жизни — одну в реальности, похожей на нашу, вторую в реальности, подготовленной предками, но отнятой у его поколения. Действие разворачивается в Мегалополисе, в разрушенном городе Солнечном и в живом коммунистическом Солнечном. Игорь принадлежит к касте Нервов, следователей-экстрасенсов, но постепенно становится ясно, что такими «сверхлюдьми» задуманы все мы, только жажда наживы, старательно культивируемая в современном мире, лишает людей способности чувствовать друг друга, а орган, отвечающий за невербальную коммуникацию, жестоко глушится эгоизмом, похотью и трусостью.

СССР. Москва, Кремль.
Задолго до описываемых событий.

Пять тридцать утра, Москва еще спит. Вскоре люди начнут пробуждаться, собираться на работу, провожать детей в школы, проспекты и улицы наполняются энергией, но до этого есть еще немного заповедного времени. При слабом утреннем свете думается наилучшим образом, сейчас легче планировать расписание встреч и приемов, прорабатывать сценарии бесед, прикидывать возможные решения проблем.

Юрий Владимирович смотрел в окно из своего кабинета. Зима укутала снегом могучие голубые ели, накинула белое покрывало на газоны и крыши Кремля. Перспектива в дымке. В самом центре столицы всегда тихо. Через высокие крепостные стены городскому шуму не проникнуть, и, если захочется, можно представить, будто картинка за стеклом — всего лишь часть дремучего бора, подпирающего угрюмое зимнее небо где-нибудь в карельской глуши.

По расчищенной брусчатке забавно семенил Иосиф Самуилович: видимо, комендант еще не организовал посыпку дорожек песком. Юрий Владимирович отвлекся от созерцания природы и слегка зашторил окно. Вскоре зазвонил

зуммер внутренней связи. На том конце провода послышался голос секретаря Нади: сдерживая взволнованное дыхание, она сообщила о прибытии гостя. Вообще-то Надя не должна приходить так рано, но, зная привычки руководителя, она всегда старалась успеть на службу к началу его трудового дня.

— Наденька, пожалуйста, угости нас с Иосифом Самуиловичем чаем, — попросил он. — Если можно, мне с малиной, а что гость захочет, сама поинтересуйся.

Иосиф Самуилович вошел одновременно с Надей, в волосах которой блестели капли от растаявших снежинок, и сразу направился для рукопожатия к хозяину кабинета. Ладонь гостя оказалась очень холодной.

— Озябли? — поинтересовался Юрий Владимирович.

— Пустое. Надя вот чаем с медом угостить обещала, еще и улыбкой своей согревает. Это покрепче будет, — улыбнулся Иосиф Самуилович.

Смутившись, Надежда ловко расставила чашки, наполнила их чаем и поспешила к выходу.

— Прямо чувствую, как жизнь возвращается, — обжигаясь кипятком, произнес Иосиф Самуилович, — а пахнет хвоей почему-то.

Они немного помолчали, обдумывая под чаепитие предстоящую беседу.

— Иосиф Самуилович, вы сегодня особенно задумчивы, — заметил Юрий Владимирович.

— Буксир на подходе, времени осталось примерно два года, — ответил тот. — По матчасти все готово. Риск сохраняется в отдельных аспектах. Первое: до сих пор не удалось убедиться в составе атмосферы, хотя «Метеор» уже отправил посылку. Из нее на Байконуре надеются

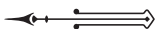
получить недостающие данные. А второе... Имеются проблемы с человеческим материалом — никак не наберем сто процентов.

— Ну почему вас снова беспокоит это? Есть же у нас социологи, физиотерапевты, парторги, в конце концов! Наберут как-нибудь!

— Рисуем обескровить генофонд, — хмуро возразил собеседник. — «Авроре» требуются лучшие и самые здоровые, а с этим, сами понимаете, как дела обстоят. Ладно бы человек пятьсот, а то шестьдесят тысяч, включая детей и женщин, — самый цвет и надежда.

— Может, хватит? — недовольно поморщился Юрий Владимирович. — Знаю не меньше вас. Мне жаловаться не надо. Предложите лучший выход, чего тратить время попусту?

— Мы, конечно, найдем. В списке кандидатов — отличники ДОСААФ, выпускники вузов, специалисты, военные, ученые... но сами с чем останемся? Коммунистов мало, план по нацпропорциям фактически рухнул, вы же знаете. Американцы не с такой щепетильностью подошли к вопросу: у них сборная солянка, программы по прилету особой нет. Нам сложнее в разы, ДОТ просчитывает план на десятилетия. После ухода «Авроры» просядем колоссально... Меня это и волнует сильнее всего! Космос по-прежнему молчит. Ничегошеньки не слышно в эфире. Не верю, что из миллиарда потенциально обитаемых миров ни один не родил цивилизации, подобной нашей. Тогда что? Выходит, есть предел существования, после достижения которого любое общество погибает. Сейчас мы умеем испускать и принимать радиосигналы, наш разум близок к проникновению в суть мироздания — и случайно ли, что именно

сейчас человечество обладает небывало мощным оружием и готово испепелить себя в атомном пламени? Может, самоуничтожение — универсальный финал для любой цивилизации? Не стоим ли и мы на краю пропасти сейчас? Если так, то следует встречать неизбежное во всеоружии! Но, отправляя «Аврору» в путь, мы лишаемся лучших из лучших, тех, кого в решающий момент неостанет для предотвращения катастрофы!

Юрий Владимирович пристально посмотрел на собеседника.

— Вы представляете себе этот решающий момент, Иосиф Самуилович? Представляете?! Я могу предположить многое, как и вы, но доподлинно ничего не известно никому. В то же время галактику покидает звезда, прошивающая пространство со скоростью три с половиной тысячи километров в секунду и, надо же такому случиться, обладающая планетой — близнецом Земли! Мы используем шанс! Да, это риск. Огромный! Но что вы предлагаете — не использовать уникальную возможность? А если это решение проблемы? Что, если лучшие, освободившись от земного шлама, как раз и создадут цивилизацию без недостатков? Может, она просуществует столько, что дождется братьев по разуму? Ради этого стоит рискнуть, Иосиф?

Иосиф Самуилович снял очки в роговой оправе и старательно протер линзы носовым платком.

Жестокая война, умывшая человечество кровью, отдалится. Поблекнут надписи советских воинов на стенах Рейхстага. Новые люди позабудут прописные истины, усвоенные военными и первыми послевоенными поколениями предков; падут бастионы, отстроенные победителями для защиты неразумных чад от повторения апокалипсиса;

и смысл Слова будет выхолощен в пустопорожней демагогии. Дальше — последняя война, что подчистую сметет в помойку истории неудавшийся проект Создателя под названием человечество. Какой по счету? Первый? Сотый?

А через миллионы лет где-то невероятно далеко от Земли люди, ничуть не иные, чем нынешние, стартуют с прежних позиций, их деградация, прерванная полетной криопаузой, возобновится. Все по привычному сценарию. Стоит называть такое вторым шансом?

Но, возможно, что-то, встреченное в новом, свежем мире, внесет определяющие коррективы в самоубийственную траекторию человеческого развития. Лишь в этом Иосифу Самуиловичу виделась надежда, а совершенно не в том, что человечество сделается «очищенным от шлака».

Ради надежды не зазорно рискнуть всем.

Глава 1

Колонна, состоящая из разномастной военной техники, грязно-зеленой змеей ползла по древней бетонке. Над броневиком, катившим сразу за головным танком, высунувшись по пояс через открытый люк, покачивался седовласый крепыш с биноклем, в камуфляже со знаками армии Мегаполиса. На груди — нашивка с фамилией «Кински», полковничьим званием и группой крови, а бритую голову венчала восьмиклинная фуражка с кокардой.

Бессчетное количество дней этот военный вглядывался через мощные линзы в горизонт, силясь увидеть заброшенный Сансити, но, вопреки расчетам и здравому смыслу, тот все не появлялся. Месяц назад экспедиция наткнулась на небольшую стелу, затерянную в пустоши, с мраморной табличкой, гордо вещавшей, что туда в таком-то году прибыл первый советский турбоплан с исследователями, основавшими впоследствии город Солнца. Позволив личному составу вдоволь нафотографироваться у памятника, полковник скомандовал продолжение пути. Несмотря на походку, он терзался тяжелыми переживаниями. Не укладывалось в голове многое. Например, почему же за время,

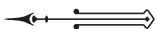

отведенное для следования к цели, так и не удалось добраться хотя бы до городских окраин? Опоздание превысило все допустимые пределы, топливо подходило к концу, а единственным результатом до сего дня оставалась лишь эта убогая табличка. Время остановилось! Однообразная дорога будто наматывалась на колеса и гусеницы машин, заставляя буксовать на месте.

Лейтенант Келли, чертов парапсихолог, подливал масла в огонь. Он то и дело плел чушь про аномальный карман времени и мертвую энергию. Кински спросил его, откуда он это знает, на что умник ответил: «Из научных книг», — и предложил вернуться, пока не поздно. Пришлось наорать на него в дисциплинарных целях и отправить в БТР связи, чтоб впредь не умничал.

Если по совести, то Келли, конечно, не мог отделаться примитивной отговоркой. Ему только дай волю — утопит в омуте заумных словечек, и этот раз не стал исключением. К «научным книгам» прицепился сам Кински, чтоб выглядело, будто подчиненный не уважает командира и за это последний прерывает его. «Какие еще научные книги?! — вспыхнул Кински и, зарубив на корню попытки лейтенанта перечислить авторов и названия трудов, сразу же припечатал: — За идиотов нас держишь? Думаешь, если мы, военные, не чахли полжизни над писаниной всех мастей, то можно нас этим попрекать?» Так ему — и сразу выходило, что Келли вроде не всамделишный военный, а так, полукровка. Он и есть полукровка.

Настораживало молчание советской системы обороны. Никаких признаков локационного засвета со стороны Солнечного, никакой активности в радиоэфире. А в нем что-то обязано шевелиться по определению. Неужели

красные стражи выработали ресурс и загнулись самостоятельно? Вряд ли, слишком совершенны они для такого банального конца.

Полковник прекрасно помнил мясорубку многолетней давности, когда Мегаполис решил поживиться на трупе Сансити после ухода русских. Не выгорело. Будучи в то время желторотиком, Кински схлопотал тяжелое ранение, и до сих пор во снах, словно наяву, ему приходили ужасные эпизоды той войны. Воспоминания выбрасывались из глубин подсознания отчаянным ором погибающих, канонадой, грохотом рвущихся снарядов и запахом собственной крови вперемишку с пылью. Они заставляли заново переживать бесильную ярость перед неуязвимыми роботами со звездами на броне. «Ничего, сегодня — не вчера!» — подумал Кински, коснувшись пальцами застарелого шрама на правой щеке.

На секретной базе Мегаполиса личный состав его экспедиции несколько месяцев обучался работе со сверхновой матчастью, спаивался в коллектив, отсеивал слабых и неспособных. Итогом стало рождение подразделения «Чарли», которым полковник сейчас с гордостью руководил, — и более совершенной военной силы Мегаполис прежде не имел. Уж теперь краснозвездные машины не должны доставить неприятностей. За спиной Кински солидно громыхал катками четырехствольный ракетно-пушечный «Арликон», цементируя настрой начальника.

Да, полковник не пал духом. Он тертый калач и знает цену приказу, а приказ один: войти в город, исследовать его и во что бы то ни стало захватить золотой запас СССР. Чертовщиной маяться негоже, не для того несут службу, чтоб рассуждать или бояться не пойми чего. Мертвая энергия, вот еще!

Награду за железную выдержку полковник получил сегодня утром.

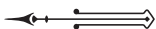
На горизонте показалась тонкая линия городских построек. «Ну, здравствуй, — мысленно приветствовал противника Кински. — Пейзаж как тогда!» Солнце стояло высоко, и, посоветовавшись по радиации со старпомом, он решил начать сближение. Накатившее волнение удалось подавить усилием воли, и вот уже по общей связи неслись энергичные команды начальника экспедиции:

— Перестроиться в боевой порядок! Шестой и второй арликоны прикрывают фланги, разведотрядам спешиться, занять позиции в авангарде.

Слаженный военный организм пришел в движение, грязно-зеленая змея рассыпалась на кубики, техника растягивалась в шеренги. Два эшелона передовых позиций составили арликоны и танки, за ними чуть поодаль расположился броневи́к майора, еще чуть дальше — обоз. Пехотинцы бодро выскакивали из машин и, разобравшись по отделениям, пробежали мимо командира, чтобы затем встать цепочкой перед тяжелой бронетехникой. Он приветствовал подчиненных, приложив пальцы к козырьку, и получал в ответ преданные взгляды и такие же приветствия.

Уныние бесконечного пути сменилось возбуждением, люди радовались даже смертельно опасным переменам, лишь бы завершилась попытка серым однообразием.

— Объявляю задачу, парни, — отчеканил по радиации полковник. — Сегодня нужно подойти как можно ближе к городу и окопаться. Будьте готовы к любым неожиданностям: оборона неприятеля может преподнести сюрпризы. Храни нас Бог.

Взревев моторами, техника медленно потянулась за ушедшими вперед разведчиками. Все гладко, но напряжение в душе Кински росло, и, когда послышался грохот далекого выстрела, он даже обрадовался: «Нас атаковали! Теперь с чистой совестью сравняем агрессора с землей!». Понеслось.

Над центральным арликоном разорвался снаряд, нейтрализованный активным компонентом защиты. Заревела сирена общей тревоги. Радисты затараторили, связываясь с передовой линией: «Чарли семь, Чарли семь, это Чарли один, доложите обстановку...» Где-то впереди солидно ухнул артустановкой седьмой, отвечая на вражескую атаку.

— Чарли семь докладывает о попадании в противника! — отрапортовал радист майору.

Пехотинцы тонкими ручейками заструились между наступавшей техникой. Скорее под защиту бронированных машин, людям впереди сейчас не место!

Тем временем к бою подключилась вся линия обороны Сансити. Залпы множества орудий загрохотали учащенно, осколки тарабанили по броне, как градины по крыше. Танки и арликоны огрызались заградительным огнем, не забывая посылать приветы противнику. Укрепленные точки врага умолкали одна за другой.

— Сэр, мы засекли ракетные пуски! — воскликнул оператор локатора.

Одновременно с его словами в сознание Кински вошел жуткий треск, на броню шлепнулись тяжелые куски металла. Радисты принялись судорожно связываться с экипажами. Кински прильнул к визиру. Справа, из-за корпуса ближайшего танка, валил черный дым. Когда строй продвинулся вперед, глазам командующего предстал

подбитый арликон: две оборванные гусеницы из четырех растянулись по земле, башню в бессилии повело вбок, горела корма.

— Чарли семь подбит! — донесся рапорт.

— Общая команда! — гаркнул полковник в переговорное устройство. — Увеличить интервал, скорость десять. Двенадцатый и четвертый, прикройте седьмого. Что с пехотой?

Там потерь не имелось. Хорошо.

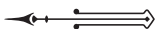
Танкисты и команды арликонов постепенно приноравливались к противнику, пристреливались, вражеские ракеты уже не могли добраться до грозных машин, сбиваемые на подлете. Огневой перевес неуклонно переходил к наступавшим, и санитарный БТР не подбирал свежих раненых.

Вдалеке возникли маленькие фигурки роботов, и опытный Кински приказал остановиться. Старых знакомых он решил встретить основательно. Но роботы тоже прекратили сближение и, вернувшись на исходные рубежи, затаились под защитой уцелевшей артиллерии.

«Что ж, — решил майор, — устроим вам пекло».

Арликоны по команде начальника экспедиции начали завораживающе синхронно поднимать пусковые установки в небо, и через десяток секунд тяжелые ракеты накрыли огненным штормом засвеченные позиции неприятеля. За залпом последовала гробовая тишина, отвечать на него было, похоже, некому. Три недобитых робота умудрились, правда, повредить танк, когда подразделение подошло к советским позициям, но большего им не позволили пехота и стрелявший в упор шестой арликон.

«Я же говорил, сегодня — не вчера!» — торжествовал полковник.

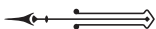
Победа в сорокаминутном бою стоила экспедиции пяти-терых убитыми, уничтоженного танка и подбитого арлика. Последний пришлось оставить, перегрузив боезапас и топливо на исправные машины. Прямо по курсу раскинулся уже недалекий Сансити, и, прежде чем войти туда, Кински произвел заранее спланированные приготовления.

Глава 2

Вечером молодой специалист возвращался на работу с тяжелым чувством. Хорошо, хоть вчерашний сон как-то разбавлял гнетущие мысли, по дороге можно помечтать. Такие сны приходили нечасто и оказывались до того реалистичными, словно параллельная реальность засасывала Игоря Кремова воронкой, окунала в себя и только по требованию будильника нехотя возвращала обратно. Никогда он не понимал ни сути снов, ни своей роли в них, но всякий раз без сомнений и колебаний принимал решения, управлялся с незнакомыми механизмами и безошибочно угадывал имена окружающих.

Казимиров советовал записывать увиденное в блокнот поутру, но Игорь всякий раз откладывал записи до лучшего случая, выкраивая перед работой лишь несколько минут на примитивный завтрак. Почему старика вообще интересовали эти сны? Может, возрастное чудачество? Хорошее оправдание, чтобы ничего не записывать. Или вот, к примеру, ненавистная работа — чем не оправдание?

Ненавистная работа... А ведь недавно все начиналось многообещающе.

Игорю повезло: сразу по окончании Улья он получил престижное место в отделе «Нерв» шестого управления прокуратуры Северо-Восточного Мегалополиса. Мечта о суровой следственной романтике стала явью.

Отдел «Нерв» создавался в структуре Управления с целью внедрения в следственный и надзорный процесс приемов психологического анализа, поиска, воздействия на подозреваемых и обвиняемых. Нервы присутствовали на осмотрах мест происшествий, при допросах, сопровождали другие следственные действия в обстановке неочевидности преступления.

Некоторые уникамы обладают настолько развитой нервной системой, что способны фиксировать импульсы ничтожно слабой силы. Такие люди почти физически чувствуют боль окружающих и различают следы чужих эмоций даже по прошествии какого-то времени. Эмоции ведь никуда не исчезают, и висящую «в воздухе» взвесь из страха, ненависти, обиды еще долго можно «понюхать».

«Разнюхиванием» Нервы и занимались.

Например, когда следователю не удавалось установить место ссоры погибшего и убийцы или направление, в котором затем скрылся последний, Нервы прощупывали эфир. Место ссоры выглядело коричневым пятном с рваными краями, а путь отхода преступника четко очерчивался полосами: оранжевыми вперемешку с черными. Дальше — дело техники.

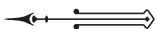
Очень быстро Кремов выучил профессиональный жаргон и в кругу коллег уверенно щеголял словечками вроде «висяк», «терпила» или «жмур». Студенческие джинсы и свитера сменились строгим костюмом с неудобным по определению галстуком. Нервам, в отличие от обычных

следователей, предписывалось неукоснительно соблюдать форму, подчеркивая привилегированный статус. Работа навалилась, приходилось вкалывать над уголовными делами до бессознательного состояния.

Баланс нередко перекашивало то вправо, то влево от точки «М», Игорь фиксировал это безошибочно. Иной раз приходилось настолько быстро и болезненно «выскакивать» из острого восприятия, что голова начинала болеть, а затем не унималась сутки.

Казимиров предупреждал давным-давно: «Контроль баланса является одним из краеугольных камней, на которых зиждется здоровье и КПД любого Нерва, чижики! Обостряя восприятие чрезвычайно, каждый из вас наверняка докопается до самых тонких импульсов преступника, разносит слабейшие психоследы, но бойтесь последствий! Депрессия, хроническая меланхолия и даже пограничное со схлопыванием состояние — далеко не полный перечень напастей, подстерегающих нас в режиме глубокого погружения! С нарастанием проблем плечо последствий устремляется вниз по экспоненте, и в определенный момент ситуация приобретает фатальный характер, когда никто, никто не спасет несчастного! С другой стороны, беспрестанно болтающий Нерв или Нерв, наглухо блокирующий боль и совесть, утрачивает дар психозрения! Так-то! Ваша задача держаться точки „М“ и с умом распускать щупальца...»

Да, старик знал, о чем говорил. Простыми словами он доносил до «чижигов» материал базового курса с его понятиями о пассиве и активе психовосприятия, о точке «М» — священной корове Улья, о балансе — общем и специальном, об амплитуде балансовых колебаний, ее частоте, уровнях, силе, о реактивных факторах, обо всем остальном.

Как сложно оказалось подружить теорию с практикой! В «Нерве» нормально не работала ни одна формула из старых конспектов. «Загрязнения» воспринимались разными Нервами неодинаково. Игоря, например, частенько рвало на месте убийств либо после участия в сложном судебном процессе. «Изнашиваемся, батенька, а что поделать?» — ответил как-то замначальника отдела, когда уставший Кремов пожаловался на внутреннее опустошение.

Баланс подвисал в пассиве или активе, не желая ритмично возвращаться к точке «М». Игорь чаще оставался в пассиве, а Миха Семенштольберг, к примеру, наоборот! Последний, правда, всегда отличался словоохотливостью. Игорю Семенштольберг в шутку говаривал: «Ну что, Максимыч, в монахи подался или держишься еще?» — и обычно прихохатывал, а Кремов отвечал чем-то вроде: «Ряс в универмаг не завезли, без них никак!»

Он понимал, что схлопывание пока не грозит: еще сильные реактивные факторы — молодость, физическое здоровье, удерживающие стрелку от сползания к «фатальным» отклонениям.

Да, Игорь справлялся. Особенно преуспел вчерашний «чижик» в «застреле» скоротечных импульсов преступников, когда негодяи закрывались наглухо. Казимиров считал, что это парадоксальная способность, которую он прежде ни у кого из Нервов не встречал. Для «застрела» требовалось находиться и в пассиве, и в активе одновременно — с одной стороны, бдительно стеречь эмоцию допрашиваемого, а с другой — «оголять провода» по максимуму. Игорь сам не понимал, как ему удастся сочетать несочетаемое и мгновенно выдергивать из эмоционально-мысленного шума преступника тот единственный ключевой импульс,

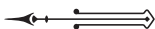

через который, как через игольное ушко, можно проникнуть в неприступную, казалось бы, крепость.

Например, в деле разнохивания психоследов на месте преступления, особенно старых, никто не мог переплюнуть Пантелея Смирнова, однокашника Кремова. О, тот обожал со стеклянными глазами зависнуть у лужи крови на пару часов! Пантелей распутывал следы с маниакальной скрупулезностью и погружался в такой дремучий пассив, из которого перфекционисту-мазохисту случалось выкарабкиваться неделями. Не без хижэ-клуровских инъекций, между прочим. Неудивительно, что впечатлительного Пантюху подпускали к работе нечасто, в исключительно важных случаях и в обстановке крайней неочевидности преступления.

Михай, напротив, брал наскоком, решения принимал без раскачки. Раскрытие по горячим следам, когда событие еще сочится черной свежестью, — вот ипостась Семенштольберга, за которую его обожали следователи. Тонкое восприятие давалось ему плохо. Он не заморачивался условностями и как-то признался Игорю, что незаметно от опергруппы выгащил из бумажника утопленника деньги, а на упрек, что это отвратительно, расхохотался. Да, актив в Семенштольберге бурлил, Миха, по собственному признанию, любил «прибухнуть», а на деле — накачаться спиртным инкогнито в каком-нибудь пивбаре в обнимку с контингентом со дна жизни. «У пуган и пройдох самые честные эмоции», — не уставал повторять Семенштольберг, и в чем-то, пожалуй, был прав. Хижэ Клуром он не пользовался никогда. Водка вполне заменяла ему Хижэ Клур.

Но ни Миха, ни Пантелей не умели «застреливать» мимолетные импульсы тех, кто скрыл и место преступления,

и объективные следы, эмоционально «застегнувшись на все пуговицы». Теория психозрения постулирует: «нельзя прощупать того, кто умышленно скрывает психотокки», и с практикой здесь дело не расходится, но в то же время учебники упоминали «кратковременное снятие блокады», когда допрашиваемому сообщали информацию, заставляющую того немного дрогнуть. В этот момент, согласно расчетам корифеев, в эфире должна промелькнуть эмоция, через которую возможно как бы «расковырять» в барьере преступника брешь. Она настолько призрачна, что для ее фиксации необходимо уйти в предельный пассив, но при этом настолько ускользающе быстра, что для отлова требует мгновенной реакции и крайнего актива.

Лабораторные исследования на эту тему не проводились, эмоция-фантом, открытая давным-давно «на кончике пера», там же осталась, а реальная фиксация ее связывалась теоретиками только с прогрессом в фармакологической отрасли: та рано или поздно должна была синтезировать какое-нибудь вещество, превращающее заурядного Нерва в машину со сверхпараметрами.

Тем не менее Игорь умел застреливать без химии.

Прошло несколько лет.

Игорь вдруг поднял глаза и посмотрел на все шире. Хотя слово «вдруг» здесь не совсем уместно. Всевозможные нарушения и злоупотребления в правоохранительной системе специалист подмечал и ранее. Каждый подобный случай Кремов заталкивал глубоко в себя и старался забыть, оправдывая происходящее философским «такова реальность, она не без изъянов». Фокус удавался, но, к сожалению, обезличиваясь в памяти, пережитое срасталось в ком неперевариваемой отравы.

Когда ком разросся до критического уровня, это самое «вдруг» и случилось. Вдруг стало понятно, что нарушения и злоупотребления являются не исключением из правил, не сбоем налаженной и справедливой системы правосудия, а необходимым условием ее существования. Он и его коллеги были частью прожорливой и сильной банды с официальным государственным статусом. Банда обслуживала интересы хозяев жизни, что никак не согласовывалось с моральными законами, привитыми в Улье. Глубокое противоречие с казенной ролью обещало рано или поздно выгнать из подсознания Игоря все долго замалчиваемые грехи и заставить ответить на главный вопрос. Однако к моменту, когда внутренний нарыв вызрел, когда пресс сделался почти невыносимым, неожиданно наступило некоторое облегчение. Ноша показалась не такой уж тяжелой и даже вполне терпимой!

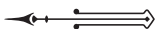
Кремов испугался до жути. Под статусной, но смертельно токсичной обложкой заживо гнил человек, которым он себя всегда считал. Сначала, конечно, больно, но затем по мере отмирания гнилья обычно приходит то самое «вполне терпимо». Постепенно усохнут раны, улягутся страсти, маска высосет из своего носителя все соки, убьет ростки сомнений и любое неприятие Канонических Правил Игры.

Страшно!

Маятник замер, готовый качнуться в любую сторону и остаться там навсегда.

Может, существует компромисс? Как-то живут же люди, сочетая мораль и реальность? Может, не так и плохи КПИ?

Канон учит, что мир материален. В умах материя всегда стремится к единому знаменателю, чтобы мерить сущее было удобно. Можно попытаться измерить событие

в улыбках или слезах. В конце концов, с детства любому человечку твердят: «Совість — мера поступков». Но улыбки, слезы, совесть — большая экзотика, порожденная токами сердца. Эти декларативные ориентиры — редкие исключения из железного правила, где цену всему прагматичный желудок отмеряет исключительно в еде. Нет еды — нет нас. Не поспоришь.

Шаг за шагом вырабатывается рефлекс: желудок диктует разуму, а тот, дай лишь волю, обоснует все на потребу заказчика. Он увещевает сердце: «Ты хорошее, доброе, только посиди в чуланчике, пока мы мараем руки. Что? Не хорошо марать? Все так делают, понимаешь? Так-то мы хорошие, но где-то глубоко внутри, в твоём чуланчике...»

Компромисс? Пожалуйста!

Правда, для этого следует договориться об одной мере — и чтобы без перекосов. Ты не хочешь в еде, я не хочу в совести, так что... с очередной отрыжкой приходит очевиднейший ответ: будем мерить в деньгах! Хватаемся за этот вариант как за соломинку. Еще бы, ведь деньги — нечто абстрактное и оттого гораздо более благородное, нежели вульгарная еда. Фи, от последней попахивает дешевой колбасой и немывтым унитазом, как низко! То ли дело «мера свободы», «слуга желаний», «воплотитель мечты», в конце концов! Теперь мы рыщем не в поисках какой-то там наживы, мы же добываем «меру свободы» и, разжившись ею, парим в небесах в согласии с собой! Ура, КПИ работают!

Только... Почему не проходит страх, почему сердце упорно ищет подвох?

Вечерне-ночные сверхурочные, обычные и такие опостылевшие, поблекшая следственная романтика, разочарование. ХАЭН показывает час ночи.

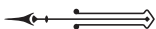
Глава 3

Труп молодой женщины на фото выглядел крайне неприятно. Кремов даже не сразу смог определить, какой стороной она лежала к объективу — красная бурая котлета без четко различимых фрагментов лица. Наконец среди комка волос, склеенных застывшей кровью, Игорь разобрал две темно-фиолетовых припухлости.

— Ну вот и глаза, — вздохнув, произнес он.

Доведенным до автоматизма движением рука подхватила кружку кофе и поднесла к губам. С недавнего времени Игорь полюбил разводить кофе коньяком и пить этот целебный раствор в конце рабочего дня перед наступавшей рабочей ночью. Не так радикально, как Хижэ Клур. Алкоголь считался более щадящим средством и успокаивал нервы, его, Игоря, ценнейшие нервы, позволяя отвлечься от невыполненной в срок работы, от неизбежного нагоняя начальства, от всего. Сейчас кофе с коньяком коллективно боролись с бунтом против КПИ.

Кремову поручили вести непростое уголовное дело. Собственно, обстоятельства дела сложными не являлись и, за исключением дикой жестокости, выглядели

типично — убийство на почве ревности. В голове не укладывалось другое: преступнику вменялось неосторожное причинение смерти, а вовсе не убийство. До этого Игорю казалось, что понятие неосторожности не подразумевает избиение человека в течение получаса до состояния заливного. Нельзя неосторожно ударять свою жену по голове, методично разминая череп, а затем швырять ее тело о землю на глазах общего ребенка... Очередной глоток «целебного напитка» оставил горьковатый привкус.

Прошедшим утром на несуразность обвинения он попытался указать прокурору, но нарвался на грубую отповедь. Приказано поддерживать «сформированную позицию» во что бы то ни стало и «не трахать мозги начальству своими бредовыми идеями».

Теперь, попивая алкогольный кофе, листая страницы дела под жестким светом настольной лампы, Игорь с отращиванием ощутил, что у молодой матери ничтожно низкая цена. Ее мечты, планы, чувства как пух одуванчика сдул звероподобный урод. Он лишил ее жизни, а теперь, призыв на помощь могущественного покровителя, устроил себе «удобную статью» с ожидаемым условным сроком. Внутренний мир убитой нематериален, за него не выручить и малости денег, так на что же он? Никакой совести, помнишь? Договорились же — деньги, только наличные. И убийца предстает неосторожной жертвой своей ошибки. А Игорь? Не без вознаграждения. С КШИ все «по чесноку», без обмана: жертве уже все равно, а от того, что «раскаившемуся парню» тюрьма жизнь ломает, — кому легче? Безупречная логика. Идеальный компромисс. Душевное равновесие.

В этот момент Кремов почувствовал, что стрелка маятника пришла в движение.

Иван Беденко родился в 1983 году на Кубани в солнечной приморской станице Должанской. Окончил юридический факультет Кубанского государственного Аграрного университета. Семьянин, филантроп, убежденный антиглобалист, патриот.

Игорь Кремов проживает сразу две жизни — одну в реальности, похожей на нашу, вторую в реальности, подготовленной предками, но отнятой у его поколения. Действие разворачивается в Мегополисе, в разрушенном городе Солнечном и в живом коммунистическом Солнечном. Игорь принадлежит к касте Нервов, следователей-экстрасенсов, но постепенно становится ясно, что такими «сверхлюдьми» задуманы все мы, только жажда наживы, старательно культивируемая в современном мире, лишает людей способности чувствовать друг друга, а орган, отвечающий за невербальную коммуникацию, жестоко глушится эгоизмом, похотью и трусостью.

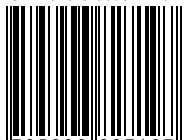
издательский дом

ФЛЮИД

FreeFly

www.gorodets.ru

ISBN: 978-5-906827-19-7

9 785906 827197